

С. С. Жданов^{1,2}✉

Репрезентация Новороссии в травелоге Н. С. Всеволожского

¹ Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: fstud2008@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные образы Новороссии, которые представлены в травелоге «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах» Н.С. Всеволожского. Проанализированы исторические и современные автору темпоральные слои новороссийского пространства. Зафиксированы оппозиции «энтропийность – упорядоченность», «фронтирность – европейскость», «провинциальность – столичность» в характеристике изображенной пространственности. В качестве важного элемента новороссийского пространства исторической памяти определен темпоральный слой екатерининской эпохи, связанной с такими образами персониферы, как Екатерина Великая, Потемкин, Суворов. В целом, следует сделать вывод о схожести репрезентации Новороссии в тексте Всеволожского с образами данного пространства в травелогах других русских авторов первой половины XIX века, например, в произведениях П.И. Сумарокова, И.М. Долгорукого.

Ключевые слова: пространство, Малороссия, Новороссия, Одесса, Херсон, Харьков, травелог Н. С. Всеволожского, лиминальность, имагология, русская литература

S. S. Zhdeanov^{1,2}✉

Representation of Novorossiia in the travelogue by N.S. Vsevolozhsky

¹Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: fstud2008@yandex.ru

Abstract. The paper deals with spatial images of Novorossiia, which are presented in the travelogue “Journey through Southern Russia, Crimea and Odessa to Constantinople, Asia Minor, North Africa, Malta, Sicily, Italy, South Africa and Paris in 1836 and 1837” by N.S. Vsevolozhsky. Temporal layers of Novorossiia space, historical and actual for the author, are analyzed. The oppositions "entropy – order", "frontier – Europeanness", "provinciality – metropolitan" are fixed in the characterization of the depicted spatiality. The temporal layer of the Catherine era associated with such images of the personosphere as Catherine the Great, Potemkin, and Suvorov are identified as an important element of the Novorossiia historical memory space. In general, it should be concluded that the representation of Novorossiia in Vsevolozhsky's text is similar to the images of this space in travelogues of other Russian authors of the first half of the 19th century, for example, in the works of P.I. Sumarokov, I.V. Dolgoruky.

Keywords: space, Little Russia, Novorossiia, Odessa, Kherson, Kharkov, travelogue by N.S. Vsevolozhsky, liminality, imagology, Russian literature

Введение

Представленные в отечественных травелогах XIX века репрезентации пространства Малороссии, а также Новороссии, не раз становились объектом исследования в работах, имеющих прямое или опосредованное отношение к имагологии как дисциплине, занимающейся изучением образов Своего и Чужого в различных (в том числе литературных) текстах. Действительно, сама природа травелогов, связанная с фиксацией пространственности, выступает "благодатной" основой подобного анализа, позволяя вычленив семиотическое ядро и периферию описаний Малороссии/Новороссии, проследить черты формирующихся малороссийского и новороссийского текстов. Примерами работ, затрагивающих проблематику украинскости / новороссийскости, служат монография А.В. Марчукова [1], статьи В.С. Киселева и Т.А. Васильевой [2], С.С. Жданова [3]. Ряд исследований посвящен репрезентациям отдельных городов – Киева [4], Одессы [5], Севастополя [6], Кременчуга [7]. Можно также вспомнить работу Д.В. Шаталова по образу украинского казачества [8].

При этом следует отметить, что в исследованиях по украинскости и новороссийскости практически не привлекался текст Н.С. Всеволожского «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах». Данный травелог, насколько нам известно, вообще малоизучен в отечественной гуманитаристике. Так, работы Е.П. Кудрявцевой, обращающейся к этому тексту, сфокусированы на его "турецком" [9; 10], а статья О.Б. Лебедевой – на "итальянском" фрагменте [11]. В вышеупомянутом исследовании А.С. Панова, посвященном образу Одессы [5], текст Всеволожского выступает одним из нескольких анализируемых травелогов. В нашей же совместной статье с П.В. Алексеевым и В.С. Шарыповой акцент сделан на ориенталистской проблематике «Путешествия...» [12].

Данное исследование мыслится дополняющим и частично расширяющим содержание вышеупомянутой совместной статьи и имеет своей целью подробный анализ репрезентации пространства Новороссии в тексте Всеволожского, включающее выделение основных локусов Новороссии в сопоставлении с контекстом описаний последней в русских травелогах первой половины XIX века. Материалом исследования служит "новороссийский" фрагмент первого тома «Путешествия чрез Южную Россию, Крым и Одессу...» (за исключением крымских эпизодов).

Методы и материалы

В статье использованы имагологический подход к проблематике пространства, а также сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный и семиотический методы. Материалом исследования служит травелог Н.С. Всеволожского «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах», опубликованный в 1839 году.

Результаты и обсуждение

Пространство своего "внутреннего" маршрута Всеволожский обозначает как Южную Россию, при этом последняя является промежуточным пространством на пути нарратора в Константинополь и дальше в Рим («Судьба велит ехать в Константинополь! Велит ехать в Рим!» [13, с. 70] – здесь и далее орфография и пунктуация цитируемых текстов приближены к современным – *авт.*) и поэтому не описана подробно. Относительное исключение составляют особо вынесенные в заглавие то-посы Крыма и Одессы.

Этот маршрут проходит через земли Малороссии и Новороссии. Но описаний первой мы в тексте практически не встретим. В тексте отмечена лишь граница перехода от великороссийского (полностью Своего) в малороссийское (частично Свое) пространство, которая проходит условно где-то между Белгородом и Харьковом. Причем Белгород уже отмечен лиминальностью. Здесь нарратор встречает в транзитном сублокусе почтового двора «двух Малороссиян», которых он «насилу разбудил и расшевелил» и «которые лениво начали мне запрягать лошадей» [13, с. 11]. Тем самым пространство Белгорода предуготовляет пространство Малороссии, поскольку типажной характеристикой малороссиянина выступает лень как следствие благодатного климата "полуденной России", не предполагающей столь больших человеческих усилий для поддержания жизни как в более северных землях Великороссии. Сравните с характеристикой в одном из ключевых книг «малороссийского» текста русской литературы – левшинских «Письмах из Малороссии»: «Благодастворенный воздух и плодородный земли давали бы жителям здешним право называться любимыми детьми природы; ежели бы она многих из них не лишила нужнейшей к благосостоянию человека добродетели – трудолюбия» [14, с. 70]. В тексте И.М. Долгорукого труд малороссийских крестьян и вовсе подан в гипертрофировано-иронической манере как нечто, возможно, и тяжелое, но весьма неторопливое: «Пахарь в здешней стороне дерет землю плугом и возит его на 6 волах, а иногда и более. Тяжкая работа! Земледелие полезно, благородно и необходимо, но спина от него болит; и так извиним беспечность земледельца» [15, с. 59]; «Хохол... охотно сносит... всякий труд, только нужно его погонять беспрестанно; ибо он очень ленив: на одной минуте пять раз и вол, и он заснут и проснутся» [15, с. 243]. Более того, автор уравнивает образы трудящегося крестьянина и его вола: «Вол есть живое изображение Хохла, который также... ленив» [15, с. 59]. Сочетание мотивов лени и благодатного климата мы встречаем и в описании малороссийского ("пост-белгородского") пространства у Всеволожского: «по всему разбросана какая-то нега, какая-то лень; уж начинаешь чувствовать влияние умеренного климата» [13, с. 11].

Попадание в новое пространство актуализирует также мотив тотальной инакости, которая, однако, пронизана ксенофлией: «Здесь чувствуешь уж совсем иную природу: ты вступил в Малороссию! народ не тот, черты лица другие, почва земли, местоположения, все принимает другой вид; женщины не лучше, но как-то веселее; вообще все гостеприимнее» [13, с. 11]. Этот же мотив веселости встречаем у Левшина: «изобилие в прекрасных картинах природы, щедрость земли и счастливый

климат Малороссии делают жителей здешних веселыми и склонными к забавам» [14, с. 69]. Сходный мотив попадания в иное (в том числе веселое) пространство в Харьковщине имеется и в тексте П.И. Сумарокова: «что означает в селе Липцах, последней к Харькову станции, сия крутая перемена во всем, что только взору не представляется? Вот белеются униженные мазанки; вот поселяне с обритыми головами, разъезжают на волах, и вот открытые шинки винной продажи. В опрятной и веселенькой хате нахожу я, иные лица, иные обыкновение, иное на хозяевах одеяние, иное устройство и слышу иной языке. Не ужель тут положен пределе Империи? Не в другое ли въезжаю я государство? – Нет! Империя все продолжается; а отсюда начинается край, называемый Малороссией.» [16, с. 45]. Пространство между Белгородом и Харьковым, в рамках которого фигурируют Липцы, также отмечено как граница между Великороссией и Малороссией и в тексте Долгорукого: «Наконец въехали мы в пределы Украйны, Зачал приходить мне на память Пан Хмельницкий и Мазепа. <...> Везде без исключения мазанки, нет других жил. Появились Хохлы. В 28 верстах от Харькова деревня Липцы ими населена. Увидели мы образчики плодородного климата: на воздухе рождаются арбузы без всякого садовнического присмотра <...> Туда в своих нарядах и в пестрых юбках из ковров ходят бабы очищать сей плод от побочных растений» [15, с. 46]

В то же время описание собственно Малороссии в тексте Всеволожского фактически отсутствует. Репрезентацию Харькова "поглощает" образы энтропийных сублокусов города некой «вонючей ямы», в которой застряла карета автора, а также почты, где наблюдается «непорядок» [13, с. 12], что мотивирует отказ нарратора от описания локуса и скорый отъезд: «я решился скорее из него выехать, не отдохнув и не видав никого» [13, с. 13]. Отсутствие визуального описания путешествия подчеркнуто образом ночной поездки, которая, однако, сглаживает за счет аудиальности (соловьиных песен) негативные ольфакторный и визуальный ряд Харьковщины: «соловьи пели повсюду. Я от роду не слыхивал такого множества вдруг поющих ночных соловьев! <...> Эта ночная, усладительная гармония помирила меня с харьковским приключением» [13, с. 13].

Соответственно, малороссийское пространство представляет собой фактически лакуну в нарративе, за которой сразу следует попадание в Новороссию. Всеволожский сообщает, что, заснув по дороге из Харькова, «проснулся только в Константинограде» [13, с. 13], который являлся, по сути, лиминальным локусом на границе Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерний, периодически меняющим свою административную привязку, а в тексте Всеволожского лишь названным, но не описанным. Аналогично неописанным выступает и уездный город Екатеринославской губернии Новомосковск (а позже и Каховка). Краткая репрезентация дана лишь идиллическому локусу дороги из Константинограда в Новомосковск: «прекрасные места, среди грушевых и вишневых деревьев в полном цвете» [13, с. 13]. В комплиментарных тонах охарактеризован и локус степи между Екатеринославом и Никоподем, маркированной мотивами изобилия, водности и орнито-образами с последней связанными: «Дорога лежит по степи; тучные пажити и высокая трава довольно показывали богатый грунт земли. Драхва и даже стрепеты прогуливались смирно» [13, с. 14], т.е. у Всеволожского мы не встречаем описаний

мортально-энтропийных степей, как в "новороссийских" фрагментах текстов Сумарокова («неприятная и со всех стороне открытая степь» [16, с. 82]) или Долгорукого («Николаевская ужасная степь» [15, с. 105]). Максимально негативным маркером локуса дороги является мотив связанной с ретардацией движения скуки, относящийся к отрезку пути из Берислава: «по песчаной, скучной дороге дотащился до Перекопа!» [13, с. 18]. Сравните с негативно-экспрессивным описанием путешествия Сумарокова: из Бериславля он попадает «в Ногайскую страну», которая «еще более печалит своею плоскостию, единообразностию, необитаемостью и безводием. На ней нигде не видно, ни засеянных нив, ни земледельцев, ни пасомага скота. Поля покрыты погорелою травою, и сие расстояние 75 верст до Перекопа, имеющее на себе две слободки являет совершенную пустыню» [16, с. 82–83].

В тексте же Всеволожского степь – это локус изобилия, а также пространство исторической памяти, которая связана с сублокусами курганов, которые нарратор «часто» встречает «на Екатеринославской, Херсонской и Крымской степях» [13, с. 19] и приводит разные версии их назначения в прошлом, маркируя номадностью эти сублокусы и образы, установленных на них «каменных уродливых истуканов» с «чертами лиц» «Скифских кочующих народов, или Половцев и Печенегов, от них происшедших» [13, с. 20]. Связанных с курганами кочевников Всеволожский обозначает привычным ему термином «Орда» [13, с. 21]. Наконец, "ориентальная" степь отмечена экзотическим (нерусским, по нарратору) образом миража, для которого автор не может подобрать слова в родном языке: «В степи, не доезжая Перекопа, увидел я в первый раз в моей жизни замечательное явление природы: это *mirage* (мираж). Употребляю здесь Французское название, потому что на Русском языке его, кажется мне, нет, или я его не знаю» [13, с. 21].

Однако некоторые урбанистические локусы Новороссии удостаиваются авторского описания. Первый из них – губернский город Екатеринослав – описан в рамках двух темпоральных слоев. Его пространство исторической памяти связано закономерно с персониферой екатерининской эпохи. Это, во-первых, образ самой Екатерины, которая обозначена как основательница города («построен Великою Екатериною») и сублокуса местной «соборной церкви», а во-вторых, австрийского императора Иосифа Второго, присутствовавшего при заложении «первого камня» этого сооружения в 1787 году [13, с. 13], что, кстати, отмечено и в травелогe Сумарокова [16, с. 69]. Тем самым локус маркирован как пространство потенций, связанных со значительностью. Но в современном темпоральном слое Екатеринослав кодируется как город нереализованных потенций, который, кроме «довольно красивого и обширного дома», выстроенного генерал-губернатором графом Воронцовым, не имеет «ничего» «особенно примечательного» и «никогда не сделается достойным громозвучного имени своего» [13, с. 14]. Сравните со сходным пассажем у Сумарокова о несоответствии того, «какое назначалось ему [Екатеринославу – *авт.*] пышное бытие» и его «немощью и упадком», поразившим город «в самом начале своем» [16, с. 68]. Это несоответствие Всеволожский объясняет географическим положением локуса, делающим его глухой провинцией: «Теперь границы Государства со всех сторон от него удалились; ничего нет в нем такого, что привлекало бы населяться, не взирая на пять установленных в нем ярмарок. Как центр гу-

бернии, содержащий в себе присутственные места, он удерживает еще чиновников, а дела окружных жителей привлекают несколько людей и торговцев» [13, с. 14]. Аналогичный мотив неудачного расположения встречаю у Сумарокова: «Я не понимал, почто на столь безвыгодном месте, при самом пределе Губернии, тут, где никакая главная дорога не пролегает, и где торг процветать не может, учрежден был прежде Губернский город» [16, с. 78]. Непривлекательность провинциального Екатеринослава для жизни отмечена и М.П. Ждановым: «В Екатеринославле живут только служащие чиновники, немногие купцы и Евреи-ремесленники» [17, с. 129].

Образу двух других новороссийских городов – Никополя и Берислава – представлены прежде всего пространством исторической памяти. Первый из них связывается в тексте с пространством Запорожской Сечи как относившееся к ней «местечко» «Никитин рог», служившее казакам «перевозом» [13, с. 16]: «Подъезжая рано по утру к Никополю, я невольно вспомнил о Запорожских казаках» [13, с. 15]. Подчеркнем, что в отличие от травелогов Сумарокова, где исторический образ Запорожской Сечи представлен негативно, как «вредоносное гнездо» [16, с. 163], и Ф.Н. Глинки, ставящего Запорожцев в ряд «живших грабежом народов» [18, с. 9] (все это есть отголосок недавнего еще ко времени написания текстов противостояния империи и казацкой вольницы), Всеволожский не делает различий между «запорожскими казаками и Украинскими», маркируя обе общности мотивом «бессмертной славы» [13, с. 16], что сближает данную трактовку образа казаков с левшинской версией исторического "козацкого" топоса Малороссии как «воинственного и независимого от России государства» [9, с. 58]. В тексте же Глинки войска Хмельницкого и Запорожской сечи оказываются имплицитно противопоставлены друг другу ввиду «нелегитимного насилия» последних [19, с. 73]. По Всеволожскому, отпадение Запорожья и Украины является историческим несчастьем, постигшим единую семью русского народа: «Отпадшие в несчастные времена для России, сыны отчества нашего, они основали здесь собственное правление» [13, с. 16]. Соответственно, казацкая вольница и переменчивость в выборе союзников у автора оправдывается исторической необходимостью существования небольшого лиминального образования между сильных держав, а также «приверженностью к православной Греческой Церкви, к родной земле и свободе»: «Мы видим их то под покровительством Польских Королей, то союзниками Крымских Ханов, Молдавских Господарей и Князей Трансильванских; то ласкаемых вспомосуществуемых Турецкими Султанами <...> Претерпевая неслыханные утеснения от Польши, они ей однакож долго и верно служили; по непреставшее тиранство Поляков, угнетение веры, лишение свободы, вывели их из терпения. <...> небольшой народ, живущий посреди степей, окруженный со всех сторон сильными державами, беспрепятственно воюя, то с тою, то с другою, мог удержаться, и не быть совершенно истреблен <...> находясь между Польшею и Крымом, он служил оплотом и сторожевым войском Полякам противу Крымцев; в случае же сильного угнетения от своих властелинов, восставал и вместе с Татарами врывался и пустошил Польшу. Начальники их, по обстоятельствам приставая то к той, то к другой стороне, уверены были всегда иметь союзника; бесстрашно плавая на малых лодках по Черному морю, придерживаясь берегов, они опустошали Анатолию, неоднократно брали и грабили

Требизонд, Синоп, сражались даже против Турецких кораблей...» [13, с. 16–17]. Здесь также большое значение придается локусам днепровских порогов и островов как естественных укрытий: «когда же превосходные силы неприятелей принуждали их к отступлению, они уходили за свои пороги и скрывались между островами Днепра, где их преследовать большим судам было трудно или совсем невозможно. Те же самые острова служили им убежищем от Татар» [13, с. 18]. Поскольку Всеволожский мыслит с позиций исторической общерусскости пространства-«отечества», он не делает различий между Запорожской Сечью, Украиной и Россией, которые сливаются в единый топос, маркируемый образами героев-защитников: «Имена их [запорожских и украинских – *авт.*] героев: Конашевича, Сагайдачного, Сулимы, Наливайки, наконец бессмертного Богдана Хмельницкого и других, останется в Истории, наравне с именами всех славных избавителей своего отечества» [13, с. 16]. В то же время заметим, что во всей этой персонифицированной среде особо выделен образ «бессмертного Хмельницкого» как главного героя культурно-пространственных противостояний во имя русского единства, который, «разбив Поляков во многих кровопролитных битвах, успел наконец склонить Царя Алексея Михайловича принять Малороссию под его покровительство. С этого времени, вся Украина, древнее наше достояние, Киев, Чернигов, Переяславль и проч., на веки присоединились к старым родичам и единоверцам своим Россиянам» [13, с. 17]. Как видим, локус Никополя в тексте важен не сам по себе, а как триггер для пространной культурно-исторической ремарки.

Через гетерогенное историческое пространство маркирован и образ Берислава. Здесь, как представляется, Всеволожский смешивает весьма вольно сразу несколько локусов, считая, что за время своего исторического существования Берислав сначала был «Миллетополем», поскольку, по одной из приводимых автором версий, был основан «Миллезиянами», затем был переименован «Россиянами» в Белою Вежу, а «Татарами» в Кизикермень [13, с. 18] (из всего этого верным является лишь преемственность Кызы-Кермена в Берислав). Впрочем, в «татарское» происхождение города нарратор не вдаётся, маркируя локус прежде всего как принадлежащий «Запорожцам» [13, с. 18]. В отличие от Всеволожского Сумароков фиксирует турецкость Берислава, построенного «на развалинах древнего *Кизекерменя*, в котором Турки содержали всегда свой гарнизон» и «памятником существования» которого «служат» «видимые ныне следы бывшей каменной крепости, ровов, многих домов» [20, с. 25]. Более того, во время своего первого крымского путешествия Сумароков застает период пост-екатерининского переименования новороссийских локусов, сообщая, что Бериславлю «ныне возвращено первое его наименование Кизекермень» [20, с. 25]. Кроме того, в «бериславском» фрагменте текста Всеволожского представлен пласт екатерининской эпохи, связанный с локусом собора, который «замечателен», «находился в Запорожской Сечи и весь срублен из толстых дубовых брусьев» и был перевезен Потемкиным в Берислав [13, с. 17]. О современной Всеволожскому репрезентации города фактически ничего не сказано, лишь охарактеризованы его окрестности в ремарке, что «местоположение его красиво» [13, с. 18]. Сравните с сумароковским описанием Берислава, где присутствует не только фиксация «изрядного местоположения», но и упомянуто жалкое положение

современного автору города: «В Кизекермене нет ни единого порядочного дома, и онный будучи составлен из лачужек более походит на необширную деревню» [20, с. 25]. Также в окрестностях Никополя и Берислава отмечены «богатые села», маркированных в том числе образом Потемкина: «Многие из них принадлежали Князю Потемкину, а ныне составляют поместья богатого банкира Штиглица» [13, с. 18].

Связью с екатерининской персониферой охарактеризован и локус Очакова, переносящий читателя вслед за нарратором в пространство исторического прошлого: это образы самой Екатерины Великой, беспокоившейся из-за отсутствия «известия из армии своей, осаждавшей Очаков при наступлении Декабрских морозов», ее фаворита военачальника «Князя Потемкина, потерявшего всех лошадей», а также «единственного, непобедимого Суворова» [13, с. 85]. Образ последнего прочно связан в сознании авторов травелогов той эпохи (не только Всеволожского, но и Сумарокова, Долгорукого, с локусом Кинбурнской косы, где полководец «атаковал, разбил и истребил» турецких воинов «до последнего» [13, с. 85]. При этом сумароковский текст демонстрирует наибольшую степень экспрессивности, отсылая читателя в онирическое пространства битвы за косу: «Я проходил тою косою, где бессмертный Князь Италийский, Граф Суворов с хладнокровием допустил Турок из Очакова сделать *важный* десант, дал время им укрепиться и, отдыхая в это время, насмехался их предприятию; но потом, когда окончилась их высадка и окопы их были поделаны, то он напал на оные превосходящие его силы столь поразительно, что все те дерзнувшие противустать сему Герою Музульманы погибли у ног Россов без исключения. Здесь-то ужасная смерть во всей ярости своей ополчалась, и здесь-то дымящиеся ручьи человеческой крови впадали в Лиманские вода, оставляя багровые по ним следы» [20, с. 205]. Долгорукий же наиболее сдержан в описании, напрямую не называя имя Суворова и делая акцент не на самой битве, а на ее геополитические последствия: «С пристани глядя, я вечную намять проворчал тому непобедимому витязю нашего края, который прославил себя на этой косе и своей тут победой отворил, можно сказать, путь к Очакову и ко всем счастливым подвигам нашего войска, умножившим его славу в Европе» [15, с. 128–129]. Как часто случается с локусами битв, их вид "провоцирует" нарратора на попадание в онирическое пространство, позволяющее за счет воображения "оживить" картины прошлого, что демонстрирует и текст «Путешествия чрез Южную Россию...» относительно сражения за Очаков: «я... воображал, как в день Чудотворца Николая, 6-го Декабря, Русские герои штурмовали крепость, преодолели все препятствия, торжествовали и успокоили Великую» [13, с. 85]. О современном же Очакове автор не сообщает ничего.

В отличие от репрезентаций иных новороссийских городов образ Одессы представлен как современным нарратору темпоральным слоем, так и историческим пространством. Последнее связано с генезисом Одессы из «бедной Татарской деревеньке» Гаджибей, «при которой находилось небольшое Турецкое укрепление» [13, с. 87]. Своего рода демиургом города обозначен «Адмирал О. М. де Рибас», которому данное место показалось «удобным» «для построения города и пристани» [13, с. 87]. Здесь в тексте актуализированы мотивы, которые мы встречаем при репрезентации Одессы, как в первом "крымском" травелог Сумарокова, так и у Всево-

ложского: во-первых, соперничество с Херсоном («Нездоровое местоположение Херсона и множество неудобств тамошней пристани дали... мысль заменить этот город Одессою»; «Может статься, и желание превзойти услугою Г -на Синельникова, который строил Херсон и получил за то богатое награждение, входило в расчеты де Рибаса» [13, с. 87]; «Со времени появления Одессы, сей город, обратя к себе всю торговлю, лишил Херсона славы и совершенно его унизил» [20, с. 24]; сравните также с текстом Долгорукого: «Одесса похитила его [Николаева – *авт.*] добычи; так точно и Николаев вселил в забвение Херсон» [15, с. 114]), во-вторых, приход русских на земли Бессарабии в ходе русско-турецких войн («Мир с Портою Оттоманскою, 1792-года, распространил границы Империи от Буга до Днестра» [13, с. 87]; «Вступил в Бессарабию, бывшее незадолго пред сим владение Порты, которая, сближая от победоносного нашего оружия внутрь себя свои пределы, уступила в последнюю войну всю сию область России и перенесла отсюда за Днестр свои границы» [20, с. 190]), в-третьих, близость богатых хлебом украинских земель, вошедших в состав Российской империи в результате раздела Польши, что сразу маркирует Одессу как медиационное торговое пространство («почти в то же время присоединено было от Польши древнее наше достояние, нынешние Подольская и Волынская губернии, прилегающие почти к Черному морю, и после этого явилась необходимость открыть торговле удобное место к сбыту пшеницы и других произведений, без переправы чрез Буг» [13, с. 87–88]; «приближение его [Гаджибея-Одессы – *авт.*] к Польской Украине и способность торговли со многими державами, все это обещало *тут* знаменитый порт» [20, с. 213]). Отмечена и роль Екатерины II, которая «утвердила» доклад адмирала «и поручила ему строение города» [13, с. 87], а также в 1796 году дала название городу, даровав «ему некоторые привилегии» [13, с. 88]. Следующей фазой роста Одессы Всеволожский обозначает правление Александра I, до которого она «еще мало подвигалась к цветущему состоянию» [13, с. 88]. Ослабление Порты в начале XIX века, в результате которого «Черное море освободилось от владычества Турецкого и сделалось общею собственностью Европы», подано как фактор роста города, который сосредоточил в себе «большую часть» «торговых оборотов» [13, с. 88]. На тот момент Одесса маркирована Всеволожским энтропийностью, дикостью, малочисленностью населения, нехваткой домов и складов, отсутствием питьевой воды, т.е. это все еще пространство фронта, которое необходимо упорядочивать: «В этом году народонаселение Одессы простиралось до 8 тысяч человек; домов еще было мало, и те маленькие, беспокойные, дурно построенные; магазинов для складки товаров, так же как и публичных зданий, вовсе не существовало. Карантин, худо устроенный; окрестности города дикие и пустые; в городе для продовольствия почти ничего; о роскоши стола не могли иметь и мысли, когда не было даже чистой воды» [13, с. 89–90].

Соответственно, в качестве упорядочивателей пространства выступают генерал-губернаторы. Сначала это Дюк де Ришелье, который «посвятил все свое старание, всю деятельность свою на улучшение средств и положения города. Он выпросил новые льготы, доходы от винной продажи и десятую часть таможенного сбора в пользу Одессы; исходатайствовал у Монарха капитал для раздачи строящимся и

поселяющимся там в виде займа по 6 процентов. Город со своей стороны застроил пристань, новый и обширный карантин, положил основание огромному собору, Католической церкви, госпиталю, театру, словом, почти всем заведениям, которые ныне ставят Одессу наравне с богатейшими городами в Европе» [13, с. 90]. Как видим, Одесса в тексте Всеволожского отмечена европейскостью и вообще космополитичностью, что также распространяется на пространство ее окрестностей как осваиваемого фронта: «там, на обширной степи, поселились колонии Славян, Болгар, Венгров и Немцев, добровольно выходящих в Россию» [13, с. 90].

Продолжателем упорядочивания выступает фигура графа Воронцова, которому «было предоставлено распространить, усовершенствовать, и можно сказать переобразовать начатое Дюком» [13, с. 91]. Соответственно, согласно автору, благодаря усилиям последнего генерал-губернатора Одесса преобразуется; ее характеристика становится полностью противоположной начальной, включая мотив упорядоченности (улицы, «все вымощенные камнем», усаженные «тенистыми» деревьями; карантин, доведенный «до совершенства»; «заведение искусственных минеральных вод» [13, с. 91]); визуальной привлекательности и масштабности («Вид Одессы с моря прелестен» [13, с. 86]; «неимоверно до какой красоты достигла... Одесса»; «множество прекрасных домов, в два и три этажа, складочные магазины для товаров всякого рода»; «прекрасный публичный сад, наполненный всякого рода растениями»; «красивые площади», «улицы широкие» [13, с. 91]; «разнообразные картины моря и... великолепного города удивительно привлекательны» [13, с. 93]), многочисленности и оживленности («город считает уже около 50 тысяч жителей» [13, с. 91]; «живость»; «люди всех наций» [13, с. 93]), изобилия и дешевизны («как-им, час от часу возрастающим, благоденствием пользуется» город [13, с. 91]; «вы найдете здесь для удовлетворения роскоши и даже прихоти все, что только вздумаете пожелать, и гораздо дешевле, чем где-нибудь в других городах России»), свободы («ныне Одесса вольная пристань» [13, с. 92]), новизны («новостью» [13, с. 93]). Это город активной торговли, богатства и денег, поступающих как морем, так и сушей: «В 1803 году <...> из 900 кораблей, вошедших в Черное море, 336 прибыли в Одессу, <...> и все нагрузились пшеницею; а ее почти всю доставили из Подольской, Волынской, Киевской и Херсонской губерний. <...> более половины... суммы заплачено было звонкою монетою: Голландскими червонцами и Испанскими пиастрами, привозимыми через Броды или на самих кораблях» [13, с. 89]. Усиливаются также мотивы европейскости Одессы, что актуализировано в целом ряде локусов (улицы вымощены камнем, «большой частью» привезенным «из Мальты»; карантин «далеко превосходит Марсельский» [13, с. 91]; вдоль улиц насажены «Итальянские тополя»; «Магазины здешние, напоминающие лучшие Петербургские щегольскою наружностью, наполнены товарами всякого рода»; «прекрасный Итальянский театр» [13, с. 92]; «совершенно Европейский» город [13, с. 93]) и вообще ее космополитичности, выраженной в разнотипной антропности: «Я видел здесь людей всех наций: Греков, Итальянцев, Немцев, Французов, Жидов (их здесь много), Армян и толпу Украинцев, отдыхающих между волами и фурами своими на площадях» [13, с. 93]. В тоже время сохраняющаяся в "бэкграунде" одесского семиотического кода фронтальность порождает оксюморонный образ центра

на периферии, в данном случае на границе цивилизованной Европы и дикой (для нарратора) Азии: Одесса маркирована как край «просвещенного мира» [13, с. 95].

Мотив дикости сохраняется и в описании окрестностей города. Так, в репрезентации демиприродного упорядоченного локуса дачи г-на Рено, которая «очень живописна» и включает «прекрасный домик» «на берегу моря», упоминается, что «сады, еще столь редкие в Одессе, делают ее бесценною» [13, с. 99]. Другим упорядоченным демиприродным локусом выступает «прелестная» дача г-на Стурдзы: «сад хорошо разбит в Английском вкусе и множество цветковых кустов и растений дают ей вид самый приятный» [13, с. 100]. Кроме того, в репрезентации одесских дачных локусов содержится отсылка к пространству исторической памяти: Всеволожский упоминает дачу своего «приятеля», графа П.А. Разумовского, которая «без хозяина», «теперь запущена» [13, с. 100].

Заключение

В целом, можно говорить о схожести репрезентации Новороссии в тексте Всеволожского с образами данного пространства в травелогах других русских авторов первой половины XIX века, в частности в произведениях Сумарокова, Долгорукого, до некоторой степени Жданова. При этом по сравнению с репрезентациями вышеупомянутых авторов пространственные описания Всеволожского Южной России отличаются известной лаконичностью, не составляя фокус его интереса как путешественника. Изображение малороссийского пространства фактически отсутствует, хотя формально упомянуты такие топонимы, как Харьков, Киев, Чернигов, Переяславль, Подольская, Волынская и Киевская губернии, Украина, но это сделано лишь мельком и в основном в связи с "новороссийским" контекстом.

Репрезентация Новороссии также весьма фрагментарна. Херсон и Херсонская губерния, через которые путь автора не пролегал, закономерно охарактеризованы в нескольких словах. Но и посещенные Всеволожским Новомосковск, Каховка остаются лишь условными точками маршрута путешественника, обозначенными, но практически никак не описанными.

Локусы Никополя и Берислава представлены практически только с точки зрения их пространства исторической памяти. При этом актуализировано значимый для нарратора образ пространства Запорожской Сечи, который, однако, частично слит с образом иных украинских территорий как лиминального топоса, маркированного мотивами православной веры, политической свободы и борьбы за эти веру и свободу против враждебного окружения (прежде всего Польши, Османской империи и ее крымских вассалов), а также воссоединения с Россией. Отметим также характерную "аполлогию" запорожского казачества, образ которого сливается с образом казачества Украйны, центром персониферы которой выступает образ Хмельницкого, т.е. Всеволожский не акцентирует моменты разногласия между Запорожской Сечью и Московским царством, а наоборот, показывает казачество достаточно монолитным в его стремлении к объединению с великороссийскими землями. Это в целом напоминает левшинскую репрезентацию "козацкого" независимого государства, тогда как, например, в травелоге Глинки образы казаков Запорожья и войска Хмельницкого разведены.

Важным элементом новороссийского пространства исторической памяти является слой екатерининской эпохи, связанной с такими образами персониферы, как Екатерина Великая, Потемкин, Суворов. Связью с ними, например, маркирована репрезентация Очакова, чье современное состояние автор не изображает. Акцент на екатерининскую эпоху сделан и в описании Екатеринослава, построенном на контрасте между многообещающим основанием (в прошлом) и провинциальным, непримечательным настоящим, чья антропность представлено в основном чиновниками и торговцами. Также подчеркнуто невыгодное географическое положение локуса.

В целом можно говорить о том, что исторический слой новороссийской пространственности является доминирующим в репрезентации урбанистического (да и степного) пространства, но в то же время объем и подробность изображения пространства исторической памяти в тексте Всеволожского уступает описаниям Новороссии в произведениях как Сумарокова, так и Долгорукого.

Наиболее подробно описанным топосом Новороссии на фоне прочих урбанистических локусов в травелоге Всеволожского выступает Одесса, образ которой дан в генезисе и являет противоположность екатеринославскому – от незавидного прошлого к блестящему настоящему. автором выделены как "до-одесский", турецкий темпоральный слой (образ Гаджибея), так и собственно одесский, русско-имперский, чья история подана как постепенное упорядочивание энтропийного пространства благодаря усилиям "демиургов" и разбита на два значимых периода: начальный, екатерининский (связанный с образами императрицы Екатерины II и адмирала де Рибаса) и александровский (маркированный образами императора Александра I, генерал-губернаторов де Ришелье и Воронцова). В связи с этим отметим достаточно частотный для репрезентации Новороссии у разных отечественных авторов мотив "внутренней" конкуренции крупных новороссийских городов между собой, в которой первенство отдается Одессе в сравнении с Николаевым и Херсоном.

В отличие от репрезентации у Всеволожского иных новороссийских городов большое внимание уделено изображению современного состояния Одессы, которая отмечена позитивными мотивами упорядоченности, привлекательности, масштабности, новизны, многолюдности, богатства и торговли, свободы. Структура одесского локуса довольно сложна, поскольку содержит гетерогенный культурный код, отличается известной космополитичностью, которая возникает за счет медиационности локуса на пересечении Востока и Запада, Севера и Юга. При этом особо подчеркнут мотив европейскости Одессы, которая соперничает не только с провинциальным Херсоном, но и с Петербургом и Марселем, что порождает оксюморонную пространственную характеристику центра на южной периферии (империи и вообще просвещенной Европы) и в известной степени корреспондируется с кодом Петербурга как центра на северной периферии.

Наконец, наряду с образами урбанистического пространства Новороссии в тексте Всеволожского присутствуют репрезентации природных и демиприродных локусов, которые, однако, занимают периферийное место по отношению к городским. Единственное известное исключение составляет изображение природного

пространства дикой степи. Но и оно, во-первых, весьма неподробно и маркирована мотивами водности и изобилия (в нем нет мотивов энтропийности и смертности, свойственных репрезентации степи в текстах других авторов), а во-вторых, в основном сфокусировано на описании сублокусов курганов как пространства исторической памяти и номадности, восходящей к скифской эпохе.

Благодарности

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII – XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Марчуков А. В. Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. – М.: Регнум, 2011. – 294 с.
2. Киселев В. С., Васильева Т. А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, А. И. Левшин) // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 2 (4). – С. 20–42. – DOI: 10.17223/24099554/4/2
3. Жданов С. С. Травестийная городская Малороссия в травелоге «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» И. М. Долгорукого // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 9. – С. 239–268. – DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-239-268.
4. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: диссертация ... доктора философии по русской литературе. – Тарту, 2010. – 213 с.
5. Панов А. С. Амбивалентность образа Одессы в репрезентациях русских и американцев в первой трети XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2016. – № 2 (4). – С. 110–119.
6. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Севастополь и его ближайшая округа в сочинениях московских путешественников по Крыму конца XVIII–первой половины XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2015. – Т. 1 (67), № 1. – С. 48–77.
7. Жданов С. С. «Нехай же москвичи к провинциям суровы...»: образ Кременчуга в травелоге И.М. Долгорукого // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: матэрыялы XIV Міжнароднай навукова- практычнай канферэнцыі, прысвечанай 85-годдзю філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Рэспубліка Беларусь, Мінск, 26 верасня 2024 г. – Мінск: БДУ, 2024. – С. 31–37. – EDN: QIYIFN
8. Шаталов Д. В. «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 9. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2014. – С. 224–240.
9. Кудрявцева Е. П. Турецкая дипломатия в первой половине XIX в. // Вестник МГИМО-Университета. – 2008. – № 2 (2). – С. 31–39.
10. Кудрявцева Е. П. Христианское население Константинополя в первой половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2020. – Т. 2. – № 2 (6). – С. 59–68.
11. Лебедева О. Б. «Дворец обрушился... Очнулося преданье» (легенда о королеве Иоанне в русской словесности XIX в.) // Образы Италии в русской словесности XVIII-XX вв: сборник статей. – Томск: ТГУ, 2009. – С. 420–444.
12. Алексеев П. В., Жданов С. С., Шарыпова В. С. «Полуденная Россия» в ориентальном

травелог Н.С. Всеволожского // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск: сборник материалов в 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». – Новосибирск: СГУГиТ, 2024. – С. 82–92. – DOI: 10.33764/2618-981X-2024-5-82-92.

13. Всеволожский Н. С. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах: в 2 т. – Т. 1. – М.: Типография Августа Семена, 1839. – 495 с.

14. Левшин А. И. Письма из Малороссии. – Харьков: Университетская типография, 1816. – 206 с.

15. Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года. – М.: Университетская типография (Катков и К^о), 1870. – 355 с.

16. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду: в 2 ч. – Ч. I. – СПб.: Императорская типография, 1803. – 276 с.

17. Жданов М. П. Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С. Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Могилевской, Витебской, Псковской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Симбирской. – СПб.: Издание В. Полякова, 1843. – 212 с.

18. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. – Ч. 1. – М.: Типография С. Селивановского, 1815. – 242 с.

19. Жданов С. С. Пространственные образы Западной Украины в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск: сборник материалов в 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». – Новосибирск: СГУГиТ, 2024. – С. 68–81. – DOI: 10.33764/2618-981X-2024-5-68-81.

20. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. – М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1800. – 238 с.

© С. С. Жданов, 2025